

РЕЦЕНЗИИ

**CAROLE HARDOUIN-THOUARD. L'ENFANT DANS LA
LITTÉRATURE RUSSE ET SOVIÉTIQUE DE 1914 A 1953.
PÈRE OU FILS DE L'HOMME. — PARIS:
L'HARMATTAN, 2008. — 495 P.**

**КАРОЛЬ АРДУЭН-ТУАР. РЕБЕНОК В РУССКОЙ
И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1914—1953 ГГ.
ОТЕЦ ИЛИ СЫН ЧЕЛОВЕКА. — ПАРИЖ:
Л'АРМАТТАН, 2008. — 495 С.**

Кароль Ардуэн-Туард — доктор славистики, изучала русский язык в лицее и в Сорбонне. Ее преподавателем была Анн Кольдефи-Фокар, известный переводчик, получившая премию «Руссофония» за перевод «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в 2010 г. Рецензируемая монография представляет собой докторскую диссертацию, написанную под руководством профессора Вероники Лосской, известного французского слависта, исследователя и переводчика творчества М. Цветаевой.

Русская литература 1920—1950-х гг. как единое целое известна во Франции лишь специалистам (впрочем, то же самое можно сказать о французской литературе в России). Французский читатель знает И. Бунина, В. Набокова, А. Платонова («Чевенгур» становится модным чтением), М. Булгакова. М. Шолохова — вершинные ее проявления. Об остальной литературе, особенно о детской, представления весьма смутные, отчасти и оттого, что очень мало ее переводов.

Мы считаем важным представить российскому читателю эту работу потому, что эта диссертация, как и другие диссертации зарубежных славистов, выходит небольшим тиражом и остается малоизвестной или почти неизвестной за пределами своей страны, потому что такие исследования в последнее время практически не доходят до российских библиотек. Такие фундаментальные исследования по русской детской литературе все еще редки и в России (укажем монографию И.Н. Арзамасцевой «Век ребенка» в русской литературе 1900—1930 годов», 2003). Заметим также, что труды современных российских литературоведов, за редким исключением, практически не переводятся во Франции, что продолжает печальную традицию параллельного существования двух академических школ. Исключение составляет,

пожалуй, классический журнал “Revue des études slaves”, с момента своего основания в 1921 г. иногда публикующий статьи российских ученых.

Тема исследования — образ ребенка в русской литературе впервые, насколько нам известно, поднимается в таком объеме во Франции. Хронологические рамки — 1914—1953 гг. — позволяют проследить становление русской детской литературы, в первую очередь — послереволюционного периода, когда русская детская литература сформировалась как явление. Отметим и довольно оригинальный жанр, сочетающий семиотический, историко-литературный и психологический подходы. Такой синтез неслучаен, потому что автор имеет большой опыт практической работы с «трудными» детьми, с детьми мигрантов и «новых граждан», что дает ей конкретные знания детской психологии.

По словам самой К. Ардуэн-Туар, любезно предоставившей нам текст своего выступления на защите диссертации, интерес к русской детской литературе возник у нее при чтении и изучении иллюстрированных детских книг первых десятилетий XX в. Еще один дополнительный импульс для изучения русской литературы для детей и о детях ей дала автобиографии М. Шагала «Моя жизнь», — не столько сам текст и ее документально-поэтический стиль, сколько сочетание текста и иллюстраций.

Под влиянием книги М. Шагала автобиографические книги русских писателей (очень разные по жанру и стилю) — «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Котик Летаев» Андрея Белого, «Шум времени» О. Мандельштама, «Далекие годы» (1-я книга из цикла «Повесть о жизни») К. Паустовского, «Другие берега» В. Набокова и «Детство Люверс» Б. Пастернака — занимают в исследовании ведущее место. Анализируя эти и другие тексты, как поэтические (В. Маяковский, С. Маршак и др.), так и прозаические (М. Пришвин, Л. Сейфуллина, Н. Огнев, А. Макаренко, Аркадий Гайдар, Л. Кассиль, Андрей Платонов и др.), автор определяет свою главную задачу: разобраться в идеологии детства, изучив образы ребенка, созданные в книгах, стихах, рассказах или сказках указанных авторов. Кроме этой главной задачи, автор ставил перед собой и другие: проанализировать мотивацию создания, формы и содержание автобиографических произведений; определить роль и судьбу авангардного искусства в детской литературе в период революции. Важно, что автор разделяет произведения, написанные специально для детей (А. Гайдар, Л. Кассиль, Л. Пантелеев и Г. Белых, сказки и рассказы для детей Андрея Платонова и др.) и произведения, не предназначенные для детского чтения (В. Набоков, Андрей Белый, О. Мандельштам, И. Бунин, Б. Пастернак, К. Паустовский), но в которых образ детства и ребенка занимают большое место.

Конечно, отбор произведений для анализа определяется темой исследования, — автор не должен стремиться к каталогизации, к созданию энциклопедии русской литературы о детях. Для русского читателя, воспитанного русской детской литературой, выросшего в ее традиции, не все эти книги актуальны, репрезентативны: например, говоря о книгах А. Гайдара, автор выбирает, кроме повести «Школа» и рассказа «Чук и Гек», еще и гораздо менее известный «Четвертый блиндаж», но ничего не говорит о более важных, знаковых для русского читателя кни-

гах, где также созданы яркие образы детей с типичной для 1920—1930-х гг. психологией — «Военная тайна» (особенно классическая вставная «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове»), «Горячий камень», «Голубая чашка», «Р.В.С.». Но это и привлекательно: нам представлен взгляд со стороны, взгляд человека другой культурной и академической традиции. Такой взгляд со стороны позволяет получить более полную картину, ведь автор выбирает произведения, актуальные для ее темы исследования.

В книге предпринята успешная попытка показать, как в образе ребенка в этот период, особенно после 1917 г., пересекались различные педагогические (А. Макаренко и Н. Огнев), литературные (Андрей Белый, Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Набоков) и даже политические теории («Таня» Л. Сейфуллиной), как новое, привнесенное в литературу новым обществом, использовало, отвергая или принимая, старое, как формировался этот образ в книгах М. Горького, К. Паустовского, Л. Кассиля, А. Гайдара, А. Платонова, И. Бунина, Б. Пастернака, О. Мандельштама и А. Белого. Еще раз подчеркнем, что автора, по ее словам, интересовал автобиографический жанр, его связь прежде всего с традицией представления детства как утраченного рая («невозвратимая пора детства») в первой части трилогии Л. Толстого (что наиболее полно, по мнению К. Ардуэн-Туар, отразилось в «Жизни Арсеньева» И. Бунина, хотя, на наш взгляд, в «Других берегах» В. Набокова также создана идиллическая картина детских лет в с. Рождествено). Основы этой концепции — противопоставления детства как рая и детства как тяжелой жизни в книгах Л. Толстого и М. Горького были заложены, по мнению автора, в книге Andrew Varuch Wachtel. “The battle for childhood: creation of a russian myth”, 1990, хотя еще в 1979 г. М. Эпштейн и Е. Юкина сопоставили эти книги, поместив их в общемировой контекст, сравнивая с произведениями Ч. Диккенса и М. Твена

Анализируя «портреты детей» в произведениях выбранного исторического отрезка, К. Ардуэн-Туар стремилась создать своеобразный обобщенный образ российского ребенка переходной эпохи (и это ей вполне удалось), маркированный исторически и культурно, и, одновременно, обладающий универсальными и архетипическими чертами (выраженными в образах Отца, Сына и Сироты), найти точки соприкосновения между самыми разнообразными идеями на пересечении русской и формирующейся советской культурных сфер в «момент реализации «коммунистической утопии». В своей книге она рассматривает образы детей как с мифологической точки зрения (уточним — с точки зрения психологии мифа, основанной на идеях Отто Ранка), так и с собственно поэтической, анализируя сами тексты произведений. К. Ардуэн-Туар находит в своих героях — Цыганок, бабушка Акулина Ивановна и сам Алеша Пешков — своеобразное «ядро детства» — *puer aeternus* (вечного ребенка).

Книга состоит из трех частей. В первой даны различные образы детей. Речь идет о двух главных, с точки зрения автора, ипостасях: для авторов, чей взгляд обращен в прошлое («детство как утраченный рай»), — И. Бунина, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Андрея Белого и В. Набокова — это своеобразный «Отец

человека» (что является цитатой из известного стихотворения У. Вордсворта “Rainbow”: “The Child is father of the man...“, о чем автор, к сожалению, не говорит). Это ретроспективный взгляд: «... со страшно далекой, почти необитаемой гряды времени», как пишет В. Набоков в «Других берегах».

Для авторов же, чей взгляд устремлен в будущее (А. Макаренко, А. Гайдар, В. Катаев, Л. Кассиль и др.) это — «Сын человека», ребенок будущего, ребенок утопии (вспомним разговор Верки и Ефимки о будущем мире в рассказе А. Гайдара «Пусть светит»).

Во второй части, посвященной своеобразной космогонии ребенка, его внутренний мир предстает вне временных и пространственных границ. Именно здесь автор определяет не только общие, архетипические черты ребенка, но высказывает вполне справедливую мысль, что для авторов разделенной русской литературы, несмотря на различия в мировоззрении и литературной позиции, эти черты общие.

И, наконец, в третьей части, ребенок обретает «голос», судит об окружающем мире, о политике, морали или религии имея на все свой, детский, незамутненный взгляд. К. Ардуэн-Туар пользуется здесь адекватным термином «остранение». Однако в послереволюционной литературе метрополии именно в ребенке, как в зародыше, заложены и все угрозы этого мира, и все его надежды. Жаль, что для иллюстрации этих мыслей она не приводит знаменитый диалог из повести А. Гайдара «Пусть светит» и диалоги Журавлёва с сыном Юркой из повести И. Катаева «Сердце». Вполне очевидно, что эти произведения либо неизвестны автору (как и большинству современных российских читателей), либо не являются для него определяющими.

Говоря о хронологических рамках, автор объясняет их крайние даты: 1914 — вход первой части трилогии М. Горького «Детство», 1953 — смерть Сталина. Не будем спорить с этим авторским видением, хотя оно, как и любые четкие хронологические границы в разговоре о литературном процессе, достаточно условно. Для исследования такого рода одним из важнейших вопросов является отбор текстов. Автор пишет, что она выбрала, с одной стороны, наиболее знаменитые и знаковые для тех лет произведения, а с другой стороны, тексты забытые («Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева и «Таня» Л. Сейфуллиной), но имевшие определенный читательский успех (особенно книги Н. Огнева).

От анализа образа ребенка автор стремится пройти к позиции автора, его «авторской правде», воплощению в литературных произведениях, ограниченных рамками 1914—1953 гг., различных концепций детства. Важно, что К. Ардуэн-Туар не разделяет литературу диаспоры (эмиграции) и литературу метрополии (России и СССР), напротив, она стремится, по ее словам, найти некоторые общие, трансцендентные черты в разделенной русской литературе (что, заметим, стало уже общим местом в многочисленных работах на эту тему).

Основные концепции, по справедливому мнению автора, представлены в книгах, во-первых, Андрея Белого, Б. Пастернака, О. Мандельштама, во-вторых, В. Набокова и И. Бунина, в-третьих, в первой части трилогии М. Горького «Детст-

во» (как развития, добавим от себя, условно «народнической» линии В. Короленко). И наконец, концепция «советского детства» воплощается в книгах Н. Огнева, Л. Сейфуллиной, В. Катаева, А. Гайдара, Л. Кассиля. Говоря о советском периоде, автор справедливо указывает на героизацию ребенка, но, к сожалению, ничего не говорит о создании своеобразной житийной литературы новых «святых» — юных пионеров-героев как одной из составляющих «красного мифа».

Справедлива другая, хотя и не вполне оригинальная (К.-Г. Юнг говорил об этом в своей классической работе «Божественный ребенок») мысль автора, — в образе ребенка в литературе тех лет воплощалось как исторически конкретное, так и архетипическое.

К. Ардуэн-Туар говорит и о смене представлений о ребенке — в XX в., «веке ребенка» (выражение Эллис Кей, о которой в книге нет ни слова, к сожалению), это уже не «маленький взрослый», а особая, вполне самостоятельная личность. Но после 1917 г. в России в послереволюционной литературе ребенок становится alter ego взрослого, или, как пишет К. Ардуэн-Туар, — «революционером в душе» и «спонтанным коммунистом».

Книга обладает рядом достоинств: в общий историко-литературный контекст помещены писатели зарубежья и метрополии, причем в одном ряду оказываются такие разные фигуры, как М. Горький, Б. Пастернак и В. Набоков. Нечасто можно встретить этих авторов в одном контексте на страницах российских исследователей; проанализирован большой корпус текстов; выделены общие архетипические образы; предпринята успешная попытка представить в приложенной таблице синхронное развитие исторического и литературного рядов (к сожалению, автор не упоминает о классических исследованиях Ю. Тынянова — Р. Якобсона).

Все тексты даны в авторском переводе. Добавим к этому, что К. Ардуэн-Туар — автор параллельного перевода стихов для детей В. Маяковского, выполненного довольно успешно, учитывая всю сложность строфики В. Маяковского.

К числу недостатков можно отнести, увы, традиционные неточности в написании русских фамилий: N. Kandyevskaya вместо N. Krandyevskaya, Kravinski вместо Stepniak-Kravchinski, Ivan Razumnik вместо Ivanov-Razumnik и т.д.), фактические неточности: журнал «Пионер» не был преобразован в «Пионерскую правду», Б.А. Ивантер в 1929 г. работал в «Пионере», но главным редактором был в 1933—1938 гг. и т.д. Исследование страдает и значительной неполнотой в его теоретической части (при анализе текстов отсутствует понятие «хронотоп», нет ссылок на работы А.Ф. Лосева о мифе, цитируются «Опавшие листья» В. Розанова, а не его книга «Сумерки просвещения», упоминается «От двух до пяти» К. Чуковского, но нет менее известной, хотя и опубликованной книги В. Вересаева «Детские рассказы», как нет и упоминания о собирании детского фольклора, начатого О.И. Капицей и Г.С. Виноградовым). Конечно, о создании полной картины в отдельной книге говорить не приходится, однако, привлекая безусловно важные произведения для детей В. Маяковского, С. Маршака и С. Михалкова, К. Ардуэн-Туар ничего не пишет о классических, сформировавших целые поколения, произведениях

В. Короленко, обэриутов (особенно Д. Хармса), А. Барто, Р. Фраермана, Е. Благиной, В. Осеевой и многих других.

Во Франции книга К. Ардуэн-Туар должна была занять достойное место как одно из пионерских исследований, посвященных образу ребенка в русской литературе XX в., однако, в силу разных причин (небольшой тираж, отсутствие рекламной компании и пр., специфичность темы и т.д.) этого не произошло. В России же, после работ И.Н. Арзамасцевой и др., книга К. Ардуэн-Туар нас может заинтересовать как взгляд со стороны на известные всем книги и образы. Печально, что русская и французская литературная наука зачастую следуют параллельными курсами: русские и французские авторы далеко не всегда имеют общее представление о том, что происходит в науке о литературе обеих стран.

Профессор кафедры русской
и зарубежной литературы РУДН
А.Ю. Овчаренко